

Ю. Д. ЛЕВИН

Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» («Юрий и Ксения»)

Заключенный в Свеаборгскую крепость декабрист В. К. Кюхельбекер записал 10 августа 1832 г. в своем дневнике: «Наконец я нашел в 25 книжке „Вестника“ нечто, что может мне пригодиться для сочинения. Вот краткое извлечение...», и далее следовало изложение повести об Отроче монастыре, составленное на основании пересказа в «Вестнике Европы». В заключение записи Кюхельбекер замечал: «Мне кажется, что все это выдуманно: но, надеюсь, согласятся, что выдумка недурна и что из нее можно бы кое-что сделать. Дай-то бог! давно уж мне не приходило ни одной творческой мысли».¹

Сюжеты, обращенные в прошлое, исторические рассказы постоянно вызвали интерес у поэта-декабриста. Различные эпизоды древней и новой истории — падение Иерусалима, императорский Рим, борьба германского императора Генриха IV с папой Григорием VII, Реформация, Французская революция — получили отражение в «отрывках» поэмы «Агасвер». История древней Руси дала сюжеты для «саги» «Святополк» (1823) и баллады «Рогдаевы псы» (1824). Событиям «смутного времени» были посвящены трагедии «Падение дома Шуйских» (конец 1820-х годов; не сохранилась) и «Прокофий Ляпунов» (1834).

Размышления над историческими сюжетами, которые, однако, не удалось реализовать впоследствии, неоднократно встречаются в дневниках Кюхельбекера. Так, в мае 1832 г., читая историю Швеции, он заметил, что «в ужасном царствовании Ингвальда Ильроде ... и не менее ужасной смерти его можно бы найти стихии для сочинения трагедии вроде Шекспирова Макбета».² В ноябре того же года он записал рассказ об отце д'Ортега — миссионере XVI в. в Южной Америке, рассчитывая когда-нибудь применить его «к сочинению стихотворной повести».³

Еще больше привлекали Кюхельбекера, конечно, сюжеты из русской истории. Тогда же, в ноябре 1832 г., после прочтения статьи в «Вестнике Европы»⁴ он подумывает о написании романа или повести о червopечатнике Иване Федорове.⁵

¹ Цит. по кн.: В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения в двух томах, т. II, Подготовка текста и примечания Н. В. Королевой, «Библиотека поэта» (Большая серия), 2-е изд., М.—Л., 1967, стр. 733. (Далее: Избранные произведения).

² ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 336, л. 3 (запись от 2 мая 1832 г.).

³ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 10, л. 94 об. (запись от 5 ноября 1832 г.).

⁴ Иоани Федоров, первый московский типографщик. — Вестник Европы, 1813. ч. LXXI, № 18, стр. 93—123.

⁵ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 10, л. 93—93 об. (запись от 1 ноября 1832 г.).

Особенно часто подобные мысли возникали у него при чтении «Истории государства Российского» Карамзина в 1833 г. Так, 11 февраля он размышлял, насколько пригодна для трагедии «ужасная» смерть Андрея Боголюбского.⁶ Интересна запись от 10 октября: «Прочел я сегодня с вниманием княжение Дмитрия Донского. Но вряд ли можно влить в драматическую форму *главный* подвиг его: он более способен принять образ романтической поэмы вроде Скоттовых. Однако же *вся* жизнь Донского, не исключая его ранней, а посему и поэтической смерти, могла бы, кажется, быть представлена в исторической картине вроде Шекспировых „Histories“. Жаль, что Дмитрию не был товарищем при Куликове Тверской; если бы это было, можно было бы написать ряд „Histories“, начиная с убийства Михаила I Тверского до соперника Дмитриева Михаила II».⁷

К замечаниям о шекспировской хронике «Генрих VIII» Кюхельбекер добавлял: «... не дурно было бы нашего Петра изобразить в подобной картине, но с большею живостию»,⁸ и т. д.

Как и у других писателей-декабристов, у Кюхельбекера обращение к истории обычно было связано с решением современных насущных социально-политических проблем. Не случайно, обдумывая тот или иной исторический сюжет, он чаще всего примеряет его к хронике шекспировского типа. Шекспир был для Кюхельбекера прежде всего политическим писателем, в котором его главным образом интересовали исторические хроники и близкие к ним трагедии вроде «Макбета».⁹ К хроникам Шекспира тяготел и дошедшая до нас историческая трагедия Кюхельбекера «Прокoфий Ляпунов».¹⁰

Однако, видимо, не этого рода интересы привлекли его к легендарной истории монастыря. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» занимает особое место в русской литературе XVII в. Она свободна от историко-политической проблематики, и в основу ее впервые был положен чисто человеческий любовный конфликт, пришедший на смену средневековым сюжетам, которые изображали мировую борьбу добра и зла.¹¹ «Повесть» была как бы предвестницей новой литературы. Не случайно она неоднократно подвергалась переработке и служила основой для новых литературных произведений и до Кюхельбекера, и после него, вплоть до XX в.¹²

⁶ В. К. Кюхельбекер. Дневник. Ред. В. П. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929, стр. 93 (Далее: Дневник).

⁷ Там же, стр. 142.

⁸ Русская старина. 1883, т. XXXIX, № 7, стр. 109.

⁹ См. нашу статью «Рассуждение В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира» в кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, стр. 286—320.

¹⁰ См.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. М. Л., 1965, стр. 159—162.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. XVII век в русской литературе.— В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 316—318.

¹² Помимо поэмы Кюхельбекера, нам известны восемь таких переработок: 1) «Пересказ без заглавия» — В кн.: «И. Глушков» Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими вероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические... СПб., 1801, стр. 102—107; то же. — В кн.: Словарь географический Российского государства... собранный А. Щекаговым, ч. II, Г—К., М., 1804, столб. 342—344 (в статье «Едимоново»). 2) В. Н. Карелин. Георгии и Елена. — Цветник, 1810, ч. V, № 2, стр. 123—147. 3) С. П. Глинка. Григорий. Историческая русская повесть. Русский вестник на 1808 год, издаваемый Сергеем Глинкою, ч. II, № 5, май, стр. 133—161. 4) Ф. Н. Глинка. Село Едимоново и Отрочь монастырь. — В кн.: Ф. Глинка. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии, ч. III,

Кюхельбекер сам подчеркивал в предисловии к своей поэме (включенном в письмо к Пушкину от 3 августа 1836 г., с которым посылалась поэма «Юрий и Ксения»): «Моя Ксения всего менее поэма историческая. Желать князя Ярослава Ярославича Тверского только материал. Мой Ярослав совсем другое лице, лице дотатарское, потому и небывалое и, — полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарах, так воспоминания о их чудовищном величии чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксении и Ермила, Юрия и Ольги».¹³

Можно предположить, что Кюхельбекер обратился к легенде об Отроче монастыре в поисках сюжета для новой главы задуманного им «Русского Декамерона», или «Десятиглава», три первых главы которого должны были составить произведения, созданные в 1831 г.: поэма «Зоровавель»,¹⁴ комедия «Нашла коса на камень» (переделка «Укрощения строптивой» Шекспира)¹⁵ и поэма «Семь спящих отроков».¹⁶ Однако если первоначальное намерение поэта и было таким, то впоследствии он от него отказался (возможно, признав вообще неосуществимым свой обширный план): ни в дневнике, ни в письмах нет указаний на связь «Юрия и Ксении» с «Русским Декамероном».

Легенда об Отроче монастыре, как «нечто, что может . . . пригодиться для сочинения», привлекла к себе, как мы видели, внимание Кюхельбекера 10 августа 1832 г. Однако приняться за обработку этого сюжета он смог не раньше, чем завершил перевод исторической хроники Шекспира «Ричард III», начатый в мае, и написал «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира, и в особенности о Ричарде III». 3 ноября он отметил в дневнике по этому поводу, что «совершенно кончил полугодовой почти труд свой»,¹⁷ а 8 ноября уже писал: «В субботу 5-го числа я начал свою поэму „Основание Отроча монастыря“; пишу об этом только сегодня, потому что до сих пор еще не смел надеяться, что точно начал».¹⁸

Написание новой поэмы заняло следующие полгода тюремной жизни Кюхельбекера. Сохранившиеся дневниковые записи позволяют установить

М., 1815, стр. 29—49. 5) Л. А. Шаховский. Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне. Русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса. СПб., 1823, 129 стр. 6) В. Глинка. Отрочь монастырь, быль XIII-го столетия. СПб., 1837. 7) П. Н. Полевой. Ненароком (из тверских преданий). — В кн.: П. Н. Полевой. Исторические рассказы и повести. СПб., 1892, стр. 5—22. 8) Т. Северцев (Полилов). Княжой отрок. (Историческая повесть из преданий XIII века). — Детское чтение, 1904, №№ 1—11, стр. 46—54, 175—192, 310—328, 422—440, 565—578, 720—734, 827—838, 1009—1024, 1127—1141, 1242—1256, 1386—1398. См. о №№ 1, 2, 5, 7, 8: В. Ф. Ржига. Из истории повести. — Известия Тверск. пед. инст., вып. IV, Тверь, 1928, стр. 111—116; о № 6: В. Ф. Ржига. Из истории одного литературного сюжета. («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки). — ГОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 538—544; о №№ 3, 4: В. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.—Л., 1961, стр. 304—305.

¹³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, М.—Л., 1949, стр. 147. Курсив мой, — Ю. Л.

¹⁴ Поэма вместе с прозаическим «декамероновским» обрамлением была издана отдельной книгой, по-видимому, при участии Пушкина: Русский Декамерон 1831-го года, изд. И. Ивановым. СПб., 1836. Об этом издании см.: П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 427—430.

¹⁵ Комедия была издана анонимно: Нашла коса на камень, Фарс в пяти действиях. В типографии Августа Семена, М., 1839. См. о ней: Шекспир и русская культура, стр. 158—159.

¹⁶ См.: М. П. Алексеев. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» и ее источники. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, стр. 99—111.

¹⁷ Цит. по кн.: Международные связи русской литературы, стр. 288.

¹⁸ Избранные произведения, т. II, стр. 733.

хронологию его работы. 19 ноября 1832 г. была закончена первая песня, 10 декабря — вторая, 24 января 1833 г. — третья, 1 марта — четвертая, 20 марта — пятая, в середине апреля — шестая, 17—18 апреля был написан эпилог и 27 апреля — введение к поэме.¹⁹

Работа над поэмой велась систематически и упорно. По несколько раз возвращался Кюхельбекер к уже написанным песням, придирчиво пересматривал их, переделывал, выправлял, добивался лучшего звучания стиха. Вот несколько характерных записей.

3 января 1833 г.: «Переправляя конец первой книги, я заметил, что в ней много прозаических стихов: я их еще не заменил другими, но это непременно должно сделать. Версификация второй книги кажется мне с начала несколько лучше; остановился я на втором романсе,²⁰ над переправкою которого я уж два раза бился, сегодня в третий, а он все-таки еще не хорош».²¹

11 февраля: «Сделал несколько удачных поправок в 3-й песни, особенно в введении; но как она, так и вторая требуют еще строгого пересмотра».²²

20 апреля: «И эпилог внесен уж в тетрадь, — а все еще не смею сказать, что поэма моя совсем кончена: должно еще пересмотреть все шесть песней».²³

В то же время создание поэмы было ознаменовано для Кюхельбекера творческим подъемом. В дневнике встречаются записи о том, что он занимался «своим Отрочим монастырем» «с наслаждением», «сop amore» (с любовью).²⁴ С началом работы связано стихотворение «Возврат вдохновения» (11 ноября 1832 г.), в котором поэт писал:

Нет! не потух в моей груди
Огонь небесный вдохновенья:
Опять, опять по светлому пути
Ко мне слетает ангел песнопенья.²⁵

Характерна запись от 23 апреля 1833 г.: «Полгода, в которые я занимался кончею или почти кончею работою, прошло для меня так, что я и не приметил. Несмотря на некоторые, — впрочем, пустые неприятности, — несмотря на многое другое, что важнее этих неприятностей, я должен это время причислить к счастливым отделениям своей жизни».²⁶

На этом этапе Кюхельбекер завершил свою работу 4 мая. Он писал: «Наконец могу прекратить свои переправки: все 6 песней пересмотрены и на первый случай по возможности выправлены. Если считать с 5-го ноября, так я ровно полгода занимался этою поэмою. Пусть теперь полежит она по крайней мере год».²⁷

Через два года Кюхельбекер снова переправил поэму. В мае 1835 г. он писал племяннику Б. Г. Глинке: «О поэме своей „Основание Отроча монастыря“ скажу, что она у меня à peu près кончена».²⁸

¹⁹ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 12 об., 21 об., 42 об., 54 об.; Дневник, стр. 98, 100—103.

²⁰ Вероятно, имеется в виду песня ведьмы: «Раздался звон».

²¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, л. 34 об.

²² Там же, лл. 48 об.—49.

²³ Дневник, стр. 102.

²⁴ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 8 об., 21 (записи от 10 ноября и 8 декабря 1832 г.).

²⁵ Избранные произведения, т. I, стр. 247.

²⁶ Дневник, стр. 103.

²⁷ Там же, стр. 104—105.

²⁸ Литературное наследство, т. 59, М., 1954, стр. 458.

Вскоре Кюхельбекер изменил заглавие поэмы и стал подумывать об ее издании. Когда в апреле 1836 г., уже после освобождения из крепости, он обратился из Баргузина к Н. И. Гречу с просьбой помочь ему печататься, в числе готовых поэтических произведений значилась под новым заглавием «поэма в 6 Спото „Юрий и Ксения“». ²⁹ Не дождавись ответа от Греча, который, как выяснилось теперь, письма не получил (оно было задержано в III отделении), Кюхельбекер послал свою «поэмку» Пушкину при упоминавшемся уже письме от 3 августа 1836 г. ³⁰ Н. Г. Глинке он сообщил 5 августа: «С трепетом, друг мой, отправляю сегодня одно из любимых чад моих к Пушкину в Петербург, а именно Ксению. Дойдет ли? — Я ее очень сократил: из второй песни выкинул около 100 стихов; из других вместе по кр[айней] мере столько же. Впрочем, черновая у меня, если Ксения доживет до второго издания, кое-что опять восстановится». ³¹ Опасение «дойдет ли?» было не напрасным: письмо к Пушкину было тоже задержано, и, видимо, ни оно, ни «Юрий и Ксения» не попали по назначению. ³²

Но ссыльный поэт не оставлял надежды на опубликование своего любимого детища. 4 мая 1840 г. он отметил в дневнике: «Переписываю „Юрия и Ксению“. Дай-то бог, чтоб эта поэма пошла в ход». ³³ Мы не знаем, что предпринял тогда Кюхельбекер, но поэма издана не была.

«Юрий и Ксения» упоминались в обоих литературных завещаниях Кюхельбекера: в списке произведений для собрания его сочинений (в разделе «Рассказы в стихах»), отправленном в 1845 г. В. А. Жуковскому, ³⁴ и в заметках, продиктованных в год смерти 3 марта 1846 г. И. И. Пушкину, где указывалось, что «Юрия и Ксению» следует издавать «без поправок». ³⁵ Однако, как известно, реализовать эти завещания после смерти поэта его родственникам и друзьям не удалось.

Посвящение матери, начало 3-й песни и эпилог к поэме были впервые напечатаны в так называемом «Полном собрании стихотворений» Кюхельбекера, изданном в серии «Библиотека декабристов» в 1908 г. ³⁶ Сама же поэма «Юрий и Ксения» была опубликована только в 1939 г. Ю. Н. Тыняновым в издании «Библиотека поэта»: три отрывка из 1, 2 и 5 песен — в «Малой серии» ³⁷ и полностью — в «Большой серии». ³⁸

Интересен путь, по которому сюжет дошел до Кюхельбекера. Как мы видели выше, сам поэт в дневнике сослался на книжку «Вестника Европы». Заключенный в крепость, он в своем чтении был ограничен тем подбором литературы, который могли прислать ему его родные. Старые комплекты журналов занимали в их посылках большое место.

Изложение повести об Отроче монастыре действительно содержится в XXV части «Вестника Европы» и помещено там под несколько неужи-

²⁹ Письмо от 13 апреля 1836 г. — Там же, стр. 460.

³⁰ См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 147.

³¹ Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха, М.—Л., 1951, стр. 68.

³² См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 330.

³³ Дневник, стр. 253.

³⁴ Там же, стр. 313.

³⁵ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, Л., 1939, стр. LXXVIII.

³⁶ В. К. Кюхельбекер. Полное собрание стихотворений. — Библиотека декабристов, вып. 11, М., 1908, стр. 184—188, 199—200.

³⁷ В. Кюхельбекер. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Ю. Тынянова. «Библиотека поэта» (Малая серия, № 15), Л., 1939, стр. 255—263.

³⁸ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. Вступительная статья, редакция и примечания Ю. Тынянова. «Библиотека поэта», Л., 1939, стр. 295—357.

данным заглавием — «Письмо путешествующего немца из Твери» со ссылкой на журнал Августа Коцебу «Freymüthige» («Прямодушный»).³⁹ Просмотр журнала позволил установить оригинал русского перевода. Это — 9-е письмо из «Беглых заметок по пути из Петербурга в Германию», напечатанное в первом номере журнала за 1806 г.⁴⁰ В начале публикации своих «заметок» автор, скрывшийся под литерой R, признавался, что использовал в качестве «чичероне» немецкую «Карманную книжку для путешествия из Петербурга в Москву», изданную в 1805 г.;⁴¹ там он, в частности, нашел и легенду об Отроче монастыре,⁴² которую пересказал. Немецкий же путеводитель являлся переводом «Русского дорожника» И. Глушкова (2-е изд., 1802), где содержался самый ранний из известных нам пересказов повести об Отроче монастыре. Таким образом повесть достигла Кюхельбекера, пройдя двукратный пересказ и двукратный перевод.

Сюжет был записан Кюхельбекером в дневнике в следующем виде: «Отроч монастырь, стоящий при устье Тверцы, основан по следующему случаю. Григорий, княжий отрок при дворе Ярослава, первого князя тверского, влюбился в дочь церковнослужителя в селе Едимонове, которое князь пожаловал отроку. Григорий получил позволение от своего государя жениться на своей любезной. Они в храме. Внезапно разделяется на две половины толпа предстоящего народа и является князь. Сокол заманил его в село и сел на крест колокольни. Ярослав, видя празднество, отгадал причину его и захотел удостоить своим присутствием обряд бракосочетания. Ксения, взглянув на князя, смутилась, он также. Вскомым силой красоты, Ярослав подходит к ней, берет за руку и спрашивает: не хочет ли выдти за него? Она соглашается. — Бедный Григорий скрылся в толпе. Однако же князь наконец вспомнил о нем. Его отыскивают долго, тщетно, наконец, находят в отчаянии в рубище. Приводят к князю. Ярослав предлагает ему награды и почести, отрок не принимает их; просит позволения построить келью при устье Тверцы и жить там вместе с некоторым отшельником. Позволено. Он умирает, и Ярослав строит Отроч монастырь над его могилою».⁴³

Кюхельбекер изложил лишь фабульный скелет рассказа, помещенного в «Вестнике Европы», освободив его от патетики и сентиментально-риторических украшений.⁴⁴ Создавая свою поэму, он значительно осложнил заимствованный сюжет, ввел новых действующих лиц и, соответственно, — новые сюжетные коллизии. Юрий, как поэт назвал княжеского отрока, когда-то спас Ярослава на поле брани и в награду князь нарек его женихом своей сестры Ольги, влюбленной в Юрия. Ксении поэт дал

³⁹ Вестник Европы, 1806, ч. XXV, № 3, стр. 215—217.

⁴⁰ R. Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg nach Deutschland. 9. Brief. — Der Freymüthige, oder Ernst und Scherz (Berlin), 1806, 2. Januar, 1, SS 2—3. Первоначальное полное заглавие «заметок»: Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Warschau und Breslau nach Deutschland.

⁴¹ См.: Der Freymüthige, 1805, 22. Oktober, № 211, S. 326.

⁴² См.: Taschenbuch auf der Reise von St. Petersburg bis Moskwa, nebst einem Anhänge über die landesüblichen Reiscarten und ihren Kostenbelauf. Aus dem Russischen. Leipzig und St. Petersburg, 1805, SS. 147—153.

⁴³ Избранные произведения, т. II, стр. 733.

⁴⁴ Ср., например, изложение Кюхельбекера от слов «Ксения, взглянув на князя. » до «Она соглашается» со следующим местом в «Вестнике Европы»: «Ксения краснеет и потупляет взоры. Рука ее выпадает из руки смущенного Григория. Князь изумляется; влекомый силою красоты, подходит ко Ксении, берет дрожащую руку ее, и спрашивает: не желает ли она покаяться в вешней любви к нему и верности, не желает ли быть княгиней? Слепленная блеском пышности и величия Ксения отдает руку Ярославу» (стр. 216).

жениха — молодого крестьянина Ермила, которого она отвергла, соблазненная лестной для нее любовью боярина; впоследствии Ермил стал товарищем Юрия в монашестве. В поэме действует и отец Ксении (в немецком пересказе он только упоминался) — церковник Елисей, которого возмущает измена дочери сперва Ермилу, а затем Юрию. Введен также и ростовский князь Борис, который женится на Ольге. Все это создало возможности сложных психологических коллизий, реализованных автором в драматически напряженном и эмоционально насыщенном стихотворном повествовании, куда он ввел ряд впечатляющих сцен, не предусмотренных исходной сюжетной схемой. Таковы, например, битва Ярослава с повгородцами,⁴⁵ или отказ Елисея благословить обвенчанную с князем Ксению, или посещение овдовевшей Ольгой и томимой раскаянием Ксенией могилы Юрия и т. п.

Пересказ И. Глушкова был освобожден в духе рационализма XVIII в. от элементов сверхъестественного, содержащихся в древнерусской повести (пророческий сон Ярослава, таинственные слова вещей девы Ксении), и, следовательно, Кюхельбекер не мог о них знать. Однако его знание древнерусской литературы и фольклора, поэтическая интуиция подсказали ему, что сюжет такого рода не может развиваться без пророчеств, ведовства. В поэму введена языческая ведьма, которая предсказывает Юрию его судьбу (с посещения ее Юрием начинается песнь I). Ведьме противостоит христианский отшельник — образ, обличающий знакомство поэта с житийной литературой. Христианин в итоге торжествует над язычницей и обращает Юрия, которого «бабушка лесная» толкала на самоубийство, на праведный путь. Ксения в поэме Кюхельбекера уже не вещая дева, однако в восторженных мечтаньях провидит грядущее, когда

Не спит она, а видит сны:
В золотых чертогах Ярослава
Гуляют мысли...⁴⁶

Вещания ведьмы, включенные в разные песни поэмы, облечены в форму народных песен. Тем самым поэт подчеркивал связь сверхъестественного элемента в его произведении с народными верованиями. Показательно, что именно по поводу песен ведьмы он сокрушался: «Всего для меня труднее то, где должно соблюсти не только дух, но и размер нашей простонародной поэзии».⁴⁷ Не имея возможности самостоятельно собирать произведения народного творчества, Кюхельбекер внимательно читал присланные ему в крепость по его просьбе памятники русского фольклора, изучал их.⁴⁸

Однако не эти опыты освоения фольклорной поэтики определяют характер поэмы в целом. «Юрий и Ксения» принадлежит к жанру рус-

⁴⁵ Любопытная деталь: войны вольного Новгорода, обычно прославляемого в декабристской поэзии, здесь представляются как «злодеи», «вольница лихая», «свободы дерзостные чада» (Избранные произведения, г. II, стр. 12—13) — дополнительные штрихи к мировоззренческой эволюции Кюхельбекера после разгрома декабрьского восстания.

⁴⁶ Там же, стр. 38.

⁴⁷ Там же, стр. 734 (запись в дневнике от 3 декабря 1832 г.; сделана в связи с работой над песнями-пророчествами ведьмы: «Рассердился медведь да на пахаря» и «Раздался звон»).

⁴⁸ См.: Дневник, стр. 29—30, 33, 39, 51, 53 (записи от 30 декабря 1831 г., 7 января, 4 февраля, 9 и 21 мая 1832 г.). Об отношении Кюхельбекера к фольклору, в частности о песнях в «Юрии и Ксении» см.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 306—309.

ской романтической поэмы, каким он сложился в 20—30-х годах XIX в.⁴⁹ В ней легко обнаруживаются основные отличительные черты этого жанра: новеллистический сюжет, основанный на любовном конфликте, характерное композиционное строение (начало, вводящее в середину действия с последующим сообщением *Vorgeschichte*, «вершинное», отрывочное изложение сюжета, песенные вставки и т. п.), лирическая манера изложения, включающая вопросы и восклицания автора, обращенные к читателю, отступления, в которых поэт говорит от себя, и т. п. и, наконец, четырехстопный ямб — размер наиболее распространенный в этом жанре. В русской романтической поэме не редкость встретить и сюжет, заимствованный из отечественной истории, причем лишенный, как в данном случае у Кюхельбекера, политических мотивов. Заключительное построение в монахи героя, потерпевшего фиаско в любовной драме, также являлось распространенным финалом романтической поэмы. Даже картина ночной бури, которой начинается «Юрий и Ксения», было традиционным вступлением в поэмах такого рода.⁵⁰

Но помимо этих обозначенных канонов установившегося жанра Кюхельбекер воспринимает в процессе работы над «Юрием и Ксенией» также и влияние со стороны конкретных поэтов с их индивидуальной творческой манерой.

20 июля 1832 г. поэт-узник записал в дневнике: «Мне тотчас принесли с почты *Стихотворения Скотта и Краббе*»,⁵¹ и в последующих записях он фиксировал свои впечатления от чтения этих поэтов; Скотта он читал с июля по октябрь 1832 г., Крабба — с октября 1832 г. по январь 1833 г. и в конце января вновь обратился к Скотту.⁵²

Чтение поэм Скотта вызывает у Кюхельбекера «брожение воображения»; 2 августа он раздумывает о том, чтобы придать «форму романтической повести» начатой в январе 1832 г. и вскоре брошенной драматической сказке «Иван, купецкий сын»,⁵³ но затем он отказывается от этой мысли, увлеченный легендой об Отроче монастыре. И в этом сюжете, связанном с историческим прошлым, проявилась определенная, так сказать, «скоттовская» настроенность фантазии Кюхельбекера. В ходе обдумывания поэмы ему пришла в голову мысль вложить рассказ в уста слепого бандуриста, который исполнял бы его перед семейством самого Кюхельбекера. При этом должны были упоминаться «1812-й год и другие исторические воспоминания».⁵⁴ Форма такого обрамления (не осуществленного в дальнейшем) была, вероятно, подсказана Кюхельбекеру построением «Песни последнего мепестреля» Скотта.

Письмо к сестре Ю. К. Кюхельбекер от 14 ноября 1832 г. показывает, что свое новое произведение поэт соотносил с поэмами Скотта, и различие, которое он при этом отмечал, было обусловлено внешними причинами, а не сущностью замысла. «Моя поэмочка, — писал Кюхельбе-

⁴⁹ Подробный анализ этого жанра см. в кн.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924. См. также: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955 (ч. III, Романтическая поэма).

⁵⁰ См.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин, стр. 263—265, 275—276.

⁵¹ ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 336, л. 27 об.

⁵² Записи о Скотте см.: В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта. (Публикация Ю. Левина). — Русская литература, 1964, № 2, стр. 95—101; записи о Краббе — частично в кн.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 311—312; полностью (в английском переводе) в статье. Yu. D. Levin. Kyukhel'bekeg and Crabbe. — Oxford Slavonic papers, vol. XII, 1965, pp. 99—102.

⁵³ В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта, стр. 97.

⁵⁴ Дневник, стр. 72 (запись от 17 августа 1832 г.).

кер, — конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского, каким бывают поэмы Скотта различных времен стариной Шотландии; надеюсь, однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, чтоб не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпать из одной памяти; у меня ровно нет никаких источников».⁵⁵

Однако, если раздумья над будущей поэмой протекали параллельно с изучением поэзии Скотта, то к работе над ней поэт приступил уже тогда, когда углубился в чтение Крабба, и, отмечая 19 ноября 1832 г. окончание первой песни, он как бы с удивлением писал в дневнике: «Я ныне заметил, что Краббе, а не Скотт, вероятно, окажет самое большое влияние на слог и вообще способ изложения моей поэмы: по крайней мере это так в первой части».⁵⁶

Такое заявление поэта может показаться неожиданным, поскольку «Юрий и Ксения» с псевдоисторическим сюжетом, князьями и боярами, языческой ведьмой и православным пустынником весьма далеко отстоит от реалистической бытописательной поэзии Крабба. Но мы не вправе игнорировать авторское признание. Попробуем в нем разобраться.

Как показал В. М. Жирмунский, особенности жанра романтической поэмы в России восходят к восточным поэмам Байрона, который, однако, влиял не прямо, а опосредствованно, через Пушкина и отчасти И. Козлова («Чернец»), освоивших применительно к русской поэзии новшества и достижения английского поэта.⁵⁷ Лирическая поэма Байрона вобрала в себя завоевания его предшественников — поэтов-романтиков Кольриджа и Скотта.⁵⁸ Поэтому Кюхельбекеру, пережившему в юности увлечение байронизмом, поэзия Скотта при всей ее оригинальности не могла казаться чем-то совершенно новым.

Показательно, что, читая поэмы Скотта впервые, он все же не может отделаться от впечатления, что уже читал когда-то нечто подобное. Он наслаждается поэзией Скотта, отыскивает в ней «прекрасные места», но принципиально нового для себя не находит. Более того, он даже обнаруживает, что, еще не зная «Песни последнего менестреля», в своей поэме «Зоровавель» «встретился с Скоттом» «в расположении частей и в характере повествователя».⁵⁹ Так могло произойти потому, что поэтика Скотта стала уже составной частью более широкого литературного течения, воспринятого Кюхельбекером.

Иное дело Джордж Крабб (Crabbe, 1754—1832), творчество которого было для Кюхельбекера совершенной новостью. Воспитанный в духе просветительского реализма и рационализма XVIII в., этот поэт оставался верен старым традициям в период господства романтизма и развивал их применительно к новым условиям. Борясь против всякого приукрашивания действительности, против фантастических вымыслов, он посвящал свои поэмы изображению повседневной жизни английских сельских приходов и провинциальных местечек. Его героями были простые заурядные люди. Отличительной чертой его стихотворных повестей был реалистиче-
ский психологизм.

⁵⁵ Литературное наследство, т. 59, стр. 412.

⁵⁶ Избранные произведения, т. II, стр. 734.

⁵⁷ Пушкинское влияние в поэме об Отроче монастыре отметил сам Кюхельбекер, когда с неудовольствием записал в дневнике: «Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни своей поэмы, — я заметил в механизме стихов что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаюсь, мне не хотелось быть в числе его подражателей» (Дневник, стр. 88; запись от 17 января 1833 г.).

⁵⁸ См.: В. Ж и р м у н с к и й. Байрон и Пушкин, стр. 21—23.

⁵⁹ В. К. Кюхельбекер о Вальтере Скотте, стр. 96 (запись от 24 июля 1832 г.)

Скромная слава Крабба почти не выходила при жизни поэта за пределы его страны. В России его знали очень немногие. Пушкин 26 марта 1831 г. просил Плетнева прислать ему произведения Крабба,⁶⁰ которые затем назвал «прекрасными» и набросках «Путешествия из Москвы в Петербург», а самого поэта — «человеком нравственным, независимым и благородным».⁶¹ Возможно, что именно Пушкин посоветовал родным Кюхельбекера послать ему Крабба.

Кое-какие сведения об английском «поэте бедных» проникли и в русские журналы, главным образом в переводных статьях.⁶² Таким образом, знакомство Кюхельбекера с творчеством Крабба совпало по времени с некоторым распространением его известности в России.

Дневниковые записи показывают, как возрастал интерес Кюхельбекера к Краббу. Чуждый ему вначале, английский поэт постепенно «завосвывал» его внимание и в конце чтения стал для Кюхельбекера «фаворитом», «любезным» автором, «отличным писателем».⁶³ «Для человека в моем положении, — писал Кюхельбекер 21 декабря 1832 г., — Краббе бесценнейший писатель: он меня, отделенного от людей и жизни, связывает с людьми и жизнью своими картинами, исполненными истины. — Краббе остер, опытен, знает сердце человеческое, много видал, многому научился, совершенно познакомился с прозаическою стороною нашего подлунного мира и между тем умеет одевать ее в поэтическую одежду, сверх того он мастер рассказывать, — словом, он замняет мне умного, доброго, веселого приятеля и собеседника!». И 24 декабря: «Великое достоинство в картинах, какие рисует Краббе, необыкновенная живость: все у него так истинно, так естественно, что, кажется, не читаешь, а видишь то, о чем он говорит».⁶⁴

Несомненно, что Кюхельбекеру импонировало подчеркнуто неприкрашенное изображение действительности у Крабба; вспомним, что в свое время он вместе с Катениным и Грибословым выступал против манерности, эстетизма и перифрастического стиля в поэзии. Но основной причиной увлечения английским поэтом было развитие в творчестве Кюхельбекера некоторых элементов реализма.⁶⁵ Отделенный тюремной стеной от литературной жизни, читая журналы многолетней давности, он, тем не менее, развивался духовно в том же направлении, что и передовая русская литература, от активного участия в которой он был оторван.

Конечно, «Юрий и Ксения» весьма мало похожи на поэмы Крабба, но если учесть изменения, которые Кюхельбекер внес в найденный им сюжет, сделать понятным, что он подразумевал под влиянием Крабба в своем поэме. Усложнение сюжета введением новых психологических конфликтов требовало от русского поэта тщательной разработки характеров действующих лиц. В этом отношении Скотт мало мог помочь; Кюхельбекер не без основания утверждал, что характеры — «главный недоста-

⁶⁰ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XIV, 1941, стр. 158.

⁶¹ Там же, т. XI, 1949, стр. 228, 255.

⁶² См.: Московский телеграф, 1825, ч. IV, № 13, стр. 58; 1828, ч. XIX, № 2, стр. 256; 1829, ч. XXV, № 1, стр. 107; 1833, ч. XLIX, № 1, стр. 126; 1834, ч. LV, № 1, стр. 188; Телескоп, 1834, ч. XXI, стр. 82—83, 193, 198; Сын отечества, 1834, т. XI.1, стр. 488.

⁶³ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 26 об., 34, 34 об. (записи от 19 декабря 1832 г. 1 и 3 января 1833 г.).

⁶⁴ Цит. по кн.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 311—312.

⁶⁵ См.: Б. Мейлах. В. К. Кюхельбекер. — В кн.: В. Кюхельбекер. Стихотворения. «Библиотека поэта» (Малая серия), 2-е изд., Л., 1952, стр. 43—47.

ток» Скотта, что «все они... недорисованы».⁶⁶ Напротив, Крабб, как он считал, «знает сердце человеческое». В произведениях Крабба он мог найти изображение самых различных душевных конфликтов, вызванных борьбой любви и тщеславия, любовной изменой, оскорбленным самолюбием, социальным неравенством и т. п., которые были изложены обстоятельно, точно и психологически достоверно. Очевидно, Кюхельбекер присматривался к психологической характеристике героев у Крабба, передаче душевных конфликтов в поэтической форме и именно это имел в виду, когда писал, что Крабб окажет влияние «на слог и вообще способ изложения» его поэмы.

К тому же у Крабба имеется стихотворная повесть «Вильям Бейли» («William Bailey», 1819), в которой рассказывается о дочери крестьянина, соблазненной молодым лордом; она бежала, бросив своего жениха-фермера, и навлекла на себя проклятие своего отца. Можно предположить, что эта повесть подсказала Кюхельбекеру мысль ввести в поэму Ермила и Елисея.

Наконец, у Крабба поэт-узник мог учиться технике стихотворного повествования. У Скотта же, считал он, «рассказ — почти постороннее дело, а главное — описание и поэзия элегическая».⁶⁷

Однако влияние Крабба на Кюхельбекера в поэме «Юрий и Ксения» ни в коей мере не следует преувеличивать.⁶⁸ Оно являлось лишь одним из элементов в сложном комплексе эстетических и литературных воздействий, воспринятых Кюхельбекером в процессе создания поэмы на сюжет повести о Тверском Отроче монастыре.

⁶⁶ В. К. Кюхельбекер о Вальтере Скотте, стр. 98 (запись от 7 августа 1832 г.).

⁶⁷ Литературное наследство, т. 59, стр. 411 (письмо к Н. Г. Глинке, июль—август 1832 г.).

⁶⁸ Несравненно большее значение имел Крабб для следующей поэмы Кюхельбекера — «Сирота» (1834); см. в упомянутой выше статье «Kuykhel'beker and Crabbe» (pp. 109—113).